

ИСКУССТВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ ЗРИТЕЛЬ — ДРУГ И СОРАТНИК

Наш корреспондент А. Кравцов беседует с главным режиссером Московского академического театра драмы имени В. В. Маяковского, народным артистом РСФСР Андреем Александровичем Гончаровым.

— Хотелось бы услышать, как вам представляются нынешние взаимоотношения театра и зрителя.

— Прежде всего я вижу, как растут зрительские требования не только к репертуару и идейно-художественному качеству его воплощения, но и к самим себе. Пустая развлекаемость, даже очень заразная, уже не может удовлетворить вкусы наших зрителей. Они чувствуют себя сотворцами спектакля. И это правильно, потому что талантливость спектакля во многом зависит от талантливости зрителей, от их гражданской и эстетической активности.

— Накладывает ли это особые обязательства на коллектив театра?

— Бесспорно! Зрители влияют не только на репертуар, но и на эстетику, которая находится в постоянном движении. В последние годы режиссура советского театра прокладывает новые пути к зрителю, обнаружив новые связи со зрительным залом. В нашем театре, как и некоторых других, например, в московских театрах имени Ермоловой, имени Моссовета и в Ленинградском Большом драматическом, открылись так называемые «малые сцены» — залы на 100—200 мест. Это вызвано желанием прежде всего разнообразить формы художественного общения со зрителями, внести новые оттенки в актерскую, режиссерскую, да и в драматургическую палитру. Писать пьесу, рассчитанную на исполнение в большой зрительской аудитории или в зале на 200 мест, — значит решать разные задачи. У нас, в малом зале, идет спектакль «Характеры», созданный по рассказам Василия Макаровича Шукшина. Спектакль появился еще при жизни замечательного писателя, режиссера и актера. Здесь актеры особенно сосредоточены на психологической детали, пластика их сдержаннее и точнее, исключительное внимание уделяется слову. Собрание и декорация используется свет. Но главное — непосредственная близость современников — актера и зрителя. Появляется возможность поговорить по душам, атмосфера создается особенно теплая, дружеская... А в большом зале из-за спектакля, захватывающего все измерения сценического пространства, там мы смелее используем театральную условность.

— Чем же, на ваш взгляд, вызвана необходимость «малых сцен»? Что это? Изобретение театра или необходимость, продиктованная интересами зрителей?

— Необходимость, продиктованная интересами зрителей. Причин здесь много. Я назову лишь две из них. Нет сомнения, что зрители привыкли к крупному плану в кино и особенно по телевидению. Появились новые связи актера и зрителя. Но экран — всегда экран. Он и приближает, он и разделяет. Естественно, в этом случае желание столь же близкого общения с живым актером в образе. Кроме того, сама эстетика современного театра дала ему возможность ярче и свободнее дополнить свое гражданское и человеческое «я». Современный спектакль — образное собеседование современников — актеров и зрителей.

— Значит, у зрителей должно быть желание общаться с актерами, режиссерами, драматургами и вне театра?

— Оно и есть. Советские зрители смотрят на актера, как на общественного деятеля. И это соответствует правде жизни. Мы щедро приглашаем зрителей на просмотры и генеральные репетиции, встречаемся с

ними в клубах, домах культуры, на предприятиях. Общественные связи наши обильны и разнообразны. К слову сказать, многие годы Театр имени Маяковского дружит с московскими железнодорожниками. Я бы не хотел эти отношения называть лишь шифскими связями. Это связи человеческие, товарищеские: мы рады нашим друзьям в любой день и час. Театр ведь по самой природе своей — живое дело. В нем действуют живые люди, не равнодушно воспринимающие все, к чему прикасаются их умы и сердца. И для нас не менее ценно мнение наших друзей-железнодорожников, их взгляд на жизнь, их отношение к труду, чем для них — наше сценическое творчество.

— Вы в свое время осуществили постановку широко известной пьесы А. Салынского «Мария» и были награждены за это Государственной премией СССР. Скажите, в чем для вас, режиссера, заключался пафос спектакля?

— «Мария» — публицистический рассказ о русской женщине-общественнице, секретаре райкома партии. Для меня он стал повествованием о мечте, о необходимости нашего соприкосновения с людьми прекрасной души. Реальный образ, который волновал меня, будоражил мое гражданское чувство, пробуждал творческую фантазию, не был впрямую воплощен на сцене. Ничто, никакой сценический образ не может стать для меня сильнее той девушки, которая до войны училась со мной в театральном институте, а немногим позже, в разгар Великой Отечественной войны, выходила меня, раненого, в госпитале. 20 ноября 1942 года, записывая раненых бойцов, которых вынесла из боя, она подорвала гранатой себя, а заодно и группу фашистов. Ее именем названа улица в центре Москвы, недалеко от нашего театра и от ГИТИСа, в котором она училась. Звали ее Наташа Качевская... Не хочу подробно рассказывать, как ее светлый образ пронизывал всю мою работу над спектаклем «Мария». Но главное заключалось в том, что я стремился воздать должное всем самоотверженным советским женщинам, всем тем, кто, подобно Наташе Качевской и героине нашего спектакля, способен забыть о себе, отдать здоровье и жизнь во имя любви к людям и ради их блага...

В начале XV съезда КПСС наш театр продолжит разговор со зрителем о главных проблемах коммунистического строительства, о характерах лучших людей современности, их мужественной борьбе за будущее, за мир во всем мире. Наш современник и соотечественник — рабочий человек — стал героем пьесы «Проводы», которую передал театру известный драматург Игнатий Дворецкий. Театр не мог пройти мимо и другой ведущей темы нашего времени — борьбы честных людей планеты с нравными силами империалистической реакции. Мы с радостью встретились с новой лесьей известного журналиста-журналиста Генриха Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе». Подробное и точное знание жизни народов Латинской Америки, публицистический инжол отличают драматургию Г. Боровика. Новизна его пьесы — пламенный призыв к борьбе за мир.

Работа с драматургами, поиски характера героев-современников — стиль нашего театра. И зритель для нас — не просто потребитель искусства, но друг, соучастник творческого процесса, ближайший соратник.